

The background of the entire page is a photograph of a vast, open landscape. In the foreground and middle ground, there are numerous green, leafy bushes and small trees, some of which appear to be blowing in the wind. The ground is covered in grass. In the far distance, a range of low mountains or hills is visible under a sky filled with large, white, fluffy clouds. The lighting suggests a bright, sunny day.

Екатерина Смирнова

Листопад

О мозаике, лежащей в траве

Екатерина Смирнова

Листопад

«Издательские решения»

Смирнова Е. А.

Листопад / Е. А. Смирнова — «Издательские решения»,

Лестер Керин, человек, давно не бывший дома, наконец возвращается в родную страну после долгого отсутствия и жизни, полной приключений. Кто же знал, что дома его ждут первым делом неприятности, потом — непривычная работа, а потом сбудется то, о чем он и не мечтал?

Содержание

Осколок первый	6
Между осколками	10
Осколок второй	12
Трава между осколками	15
Осколок третий. Серебро	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Листопад
О мозаике, лежащей в траве
Екатерина Смирнова

© Екатерина Смирнова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Осколок первый

Лес сверкал.

Под ногами шелестела листва. Земля открывала корни. Видно, в этот раз солнце, стоявшее слишком низко, не успело её согреть к приходу желанного гостя. На листьях кустарника, потревоженных взмахом крыла, ломко сверкнул иней: дрозд неосторожно прочертил в небе искрящийся след, и долго не таяли крупинки, похожие на звезды

Тот, кого дожидался иней, сделал шаг, и тень его осторожно скользнула по мокрым камням, начиная свой собственный танец.

Заморозки...

А рассвет ухитрился застать его врасплох. Он бродил всю ночь, не считая сумерек, и устал уже верить собственным следам, оставляя все знакомые тропы ветру.

Сила, все та же Сила, что владеет ветром, увлекла его из дома в эту ночь – кружить по замерзшему, доброму лесу, и тропинки переплетались, как переплетались в небе лучи звезд, все еще надеясь дожить до рассвета.

Он видел оленя, устроившегося на ночь в кущах орешника, и белку, которая прятала запасы. Видел след барсука у норы. Потревожил бобра, неведь зачем собравшегося ночью чинить запруды. Говорил с туманом и пел песни, запрокинув лицо к звездному небу.

Ночь безумия.

Звезды отвечали ему.

Он не часто себе позволял такое. Только осенью, в конце сентября, когда первые дни занятий отгремели окончательно, как артиллерийская подготовка, и начинался долгий, затяжной бой, прерываемый лишь редкими затишьями каникул. Но, кто бы что ни говорил о его биографии, он был тоже человек – пусть и особого склада – и иногда на него находило. Суета давила тяжелее страха перед сплетнями. И тогда Лес, более известный как Лестер Керин, уходил куда-нибудь, где было потише.

Как сейчас, в этом тумане.

Все равно. Что такое туман? смесь ветра и воды? Туман. А ветра и земли – пыль. А ветра и слова... Уфф. Ветра-нет-слова.

Казнить-нельзя-помиловать.

Помилует ли меня дорожная пыль?

Пыль...

Перед глазами искрился туманный водоворот, затопляя долину. Было почти страшно и даже немного смешно глядеть, как постепенно из полупрозрачной взвеси там, далеко, возникают вершины высоких елей, шепчущие «здравствуй» на холодном ветру. А там, где стоял он, росли сосны. Высокие лохматые сосны с теплой корой, Живущие-на-высоком месте, цепляясь корнями за берег туманного океана. А там, за холмом, есть город, который в старину звался так же – Высокий холм. Далекое... Хотя какое там «далеко» – всего сотня лет и полчаса дороги.

Накатила волна беспричинного счастья, и он наконец улыбнулся. «Здравствуй»...

Постоял ещё немного над полной чашей тумана, встречая восход, и понял, что пора возвращаться. И в этот миг его настиг чей-то странный, внимательный взгляд, заставив обернуться в совсем другую сторону. И оглянулся.

Внизу, в закипающем бездонном котле под оранжевым лучом рассвета, стоял единорог.

Понедельник начинался тяжело.

Можно было сдать и понаставить минусов – всем, кроме двух кандидатов на медаль. Но Лес, добрый человек, не искал легких путей. А дети, как известно, не ищут знаний. Кто ж их ищет, этих знаний. Лес помнил – когда-то от одного взгляда учителя мир обычно становился серым и плоским. С нынешними правилами мир сплющивался в бумажный лист.

Кадров не хватает. Я веду химию, я же временами – за историка... А по специальности я – археолог. И я никогда не умел обращаться с детьми.

Обязательно находилась пара дураков – резаться в карты на задней парте. В последнем-то классе! Этим он просто выжал бы, как мочалку, и отправил к директору – так нельзя же, известно, кто у нас директор. В довершение всего на школьном дворе пятеро оболтусов – не его, слава богам – разбили нос шестому. Вот что с этим делать?

– Веттера опять бьют, – кисло сообщил Лес лучшему другу, он же, волей судьбы – надзиратель, на большой перемене. – Его бывшие жертвы.

(Узнает, что я шлялся по ночам – будут последствия. О боги, еще и это).

– Ох ты! – лучший друг освободил часть дивана, сдвинув свое атлетическое пузо куда-то в сторону табуретки. – Если б это помогало!

Лес плюхнулся на свободное место.

– Всё есть яд, и всё есть лекарство... – равнодушно сказал он и уже не удивился себе. – Конечно, нельзя так говорить, но некоторым дозу надо побольше. Как антидоту – для алкоголика. Он же не думал, что эти пигалицы не будут его бояться, а наваляют.

На стене медленно скручивался в рулон прокуренный график дежурств. Курить в кабинете было нельзя, но всем было плевать на это запрещение.

– Попроси своих первоклашек не держать деньги при себе. Пусть в классе оставляют. Или ходи на завтрак с ними, он не один такой.

– Я с ними схожу. Знаешь, сколько у него в рюкзаке нашлось?

– Много?

– Спроси сначала, на что. А то я уже объяснял своему классу, что бесполезно выдавать интерес к самокруткам из всякой дряни за интерес к элементарным химическим реакциям. Хорошо ещё, пока только травка. Мать его через недельку бабке сдаст, там ремнем отучат...

– Твою ты маму... А когда ж это кончится?!!

– Когда в гробу перевернемся, прав у нас больше никаких нет – уныло сказал Лес и крутнулся на диване, изображая, как именно там переворачиваются. Чтобы не портить Скати удовольствие. Тот укоризненно покачал головой. Разве ж так можно? И, прикинув расстояние от дивана до столика, подпрыгнул, перевернувшись через голову. Пузо ему при этом ничуть не мешало.

Лес подобрал осколки графина и бурно заплодировал. В случае чего на рудники пойдем вместе. Я – за то, что когда-то жил, как мне нравилось. Он – за битую посуду.

Тед, как всегда, строил из себя клоуна. В отношении учеников и директора это очень быстро переходило в карикатурно несгибаемую твердость. В отношении Леса – не переходило.

Видимо, плюшевый тигр привык сопротивляться в основном обезьянам. И сам выбирал себе таких же плюшевых друзей.

Для плюшевой компании.

Ну и что, говорят тебе стены родного города – кем бы ты ни был, какая разница? Все мы тут плюшевые, все – бессильные. В школе нет даже домового – какие духи будут селиться в этих стенах?.. Да и в твоём доме его тоже нет. Три года спустя уже не выбежишь десятый раз во двор, не оттащишь уже обидчика от обиженного, ходишь по улицам, где все знают, почему ты здесь, боишься начальственного окрика, потому что последствия известны, знаешь, кто у нас директор... А всё, что у тебя было – где это всё?..

Он медленно привыкал день за днем к тому, что ничего больше не сможет сделать. Уезжать было некуда.

(Свет... Серебро...) Какой свет? Какое серебро в родном городе? Нет там больше никакого серебра! Не думай!

Перед глазами было в пору прыгать розовым зайцам. Безумно надоели очки. И так, что у нас сегодня...

...Дайна, ты опять глазеешь не туда. На стекле тебе никто ничего не напишет... Духи пишут на стекле? Может быть, мне стеклянную доску завести? И писать помадой? Нет, этого я не говорил. Этого я точно не буду говорить, это как в анекдоте, они будут смеяться и сорвут урок... Черт бы это всё побрал... Третий год уже здесь сижу, а все хочется сказать какую-нибудь вескую ерунду. Повыпендриваться. А при моей, что называется, ситуации в ссылке лучше быть плоским и бесцветным... Ну, пойдем, пойдем, пойдем заниматься...

И он нырнул, как в аквариум, на поединок с крокодилом – восьмым классом, почему-то волнуясь. Сегодня он чувствовал себя хуже обычного. Кесса!.. Марийка, черт побери, Марийка! Кого сегодня нет, говорите, запишу в журнале!

Не его вина, что худших из крокодилов в классе не оказалось. Да и рабочий день скоро кончился.

– На сегодня всё. Все свободны. А на дом, кроме домашней работы, ещё такой вопрос: что случится с человеком, проглотившим ложку хлористого натрия? Не сообразили? Никто не смеется? (Смеются). Вот подумайте...

Крышки парт оглушительно застучали. В голове отозвалось похоронным звоном – игла расколола висок. Убью негодяев.

Не дожидаясь, пока кандидаты в рептилии выйдут из класса, Лес отвернулся и стал смотреть в окно.

Окно было каким-то перекошенным, а треснувшее стекло залатано промасленной бумажной лентой, и через это окно Лес мог во всех подробностях рассмотреть, как Скати гоняет по спортивной площадке разошедшихся третьеклассников. Кажется, они изображают баскетбол.

С нынешним приставленным к нему агентом, он же – старый приятель, он же – тренер младших классов, они росли вместе. Следовательно пошутил – уж лучше мы выберем вам его, чем чужого человека – и Лес почему-то тоже улыбнулся. Вот видите, заключил следовательно, вы наш человек – и лицо Скати выразило тупую готовность. Это понятно в силу профессии... Боги, но почему?.. Почему засмеялся он сам?..

Иногда Лес гадал, какого черта Тед после службы в столице предпочел родной город и славную профессию учителя физкультуры. Может, просто соскучился по родным местам. Может, бандитов ловить надоело. Или кого они там ловят. А сам Скати на такие вопросы

вообще не отвечал. Или говорил, что ему все надоело хуже горькой редьки, после чего вежливо посылал собеседника подальше и шел – поближе – сам. В компанию.

Плюшевую.

До отъезда, двадцать лет назад, он дружил только с Лесом, несмотря на их полную пивную несовместимость и свой интересный характер. Характер у него точно был. А вот друзей, видимо, больше не было. Или не надо. В конце концов, между тем, кто присматривает, и тем, за кем присматривают, должны быть хоть какие-то отношения. Может быть, их ему и хватает.

Тед, хитрюга! Каким-то чутьём понял, что за ним следят из окна. Швырнул мяч в кольцо. Ухватился за турник. Взлетел над ним и выжал стойку на руках – на тебе высокий класс чисто полицейской акробатики. И уже из этой позы показал удивленному Лесу язык.

Ученики радостно заорали, исполняя вокруг снаряда шаманские пляски.

Лес вздохнул и отошел от окна.

Между осколками

... Что такое Любимчик, знали все. Что такое «знать предмет», он даже не догадывался.

Начиная с третьего класса милый мальчик, которому до этого судьба послала милую, пожилую и религиозную мадам гувернантку и восторженных родителей, усвоил одну непреложную истину: надо уметь нравиться. А что ты при этом знаешь – неважно.

Математик по прозвищу «дядя Эля» – хороший учитель, добрый, но скучнейший человек – при виде милого мальчика шипел, плевался и переходил на другую сторону коридора.

Подтягиваемый за штаны всеми по очереди, Любимчик медленно переползал из класса в класс, делая при этом поразительные успехи. Тактика переползания была построена до гениальности просто: когда он надоедал кому-то до полного отвращения, он шел втираться в доверие к следующему. Лес не любил его не за это – фокусы у недорослей бывают разные, что с них взять – а за то, что сейчас Любимчик шел за ним след в след, точно по законам шпионских романов, держа «объект» строго по курсу и прячась за деревья.

Лес подождал, пока он споткнется, и громко, обидно присвистнул. Любимчик подскочил и исчез, как привидение. Зря – до перекрестка его провожали удивленными взглядами: что делать – тоже местная знаменитость.

После школы было очень тошно.

На перекрестке Лес остановился и посмотрел на дерево у дороги. Не выглянет ли Анника, садовая дриада, которая иногда приходила подлечить дерево, старого больного? Но Анники не было – только еле заметный радужный шлейф, след радуги в воздухе.

– Привет – сказал корень – сказал изгиб обгорелой ветви – сказала рана, расколовшая ствол.

– Не торопись – сказал камень – сказал лист – сказала ограда.

– Не хочу... – заслонился Лес. То, что он слышит их, мучительно напоминало о том, что можно было бы сделать, будь он свободен.

– Не стоит... – согласился дуб.

Обычно, проходя мимо дерева, он не обращал на него внимания. Но сегодня он весь день безуспешно – почти безуспешно – вспоминал, что ему известно о единорогах, и допустил к себе тот кусок прошлого, который прежде не имел над ним власти. Да и над его совестью тоже.

Была такая зацепка на совести, и звалась она Герда. Ну, просто так звали. У человека бывает фамилия, она же, в силу разных обстоятельств – прозвище.

Двадцать лет назад дело было. Более того, если дама – врач и работает в школе, то какая же она дама? Но в его семнадцать лет её тридцать казались ему недостижимой тайной, бездонной пропастью. Дурным колдовством. Каждый жест её смахивал на колдовство. Ещё она терпеть не могла мужского общества, хотя была вполне себе ничего, без содрогания всаживала шприц в любую, даже плохо видную вену – ну, с целью анализа крови, разумеется, а они потом кричали на весь коридор «я наркоман» – конечно, при таких эффектных манерах и облике хотелось послать её на дальний остров усмирять дикарей. А самое интересное – строгая и язвительная госпожа Герда почему-то любила читать сборники волшебных историй.

Последнее делало её уязвимой.

– Не пройдешь, – сказал – свет – сказал камень – сказали листья омелы.

– Ну, не пройду – согласился Лес. И присел на поребрик.

- Не надо...
- Сами просите вспомнить.
- Ну, что с тобой делать...

...Уже не вспомнить, за что они хотели ей отомстить. Но именно его – короля! – попросили спасти школу от страшной Герды. И он совершил тот самый идиотский поступок.

Сначала требовалось совсем немного: разговориться с недоверчивой мадам в белом халате об истоках мифологии. Потом утверждать, что видел зверя неоднократно. Уточнить, где и когда. А потом позвать её в полночь прогуляться, так сказать, под старым дубом, и пусть расплачивается за все уколы. Что словесные, что в ягодицу. Герда не любила трусов и трусих, которых надо было заставлять открывать рот для таблетки, и обычно говорила что-нибудь едкое. Тут-то мы и выскочим, тут-то мы и...

А по ночам, захваченный изобретением легенды, он рисовал зверей, зверей, зверей... Странное было время. Когда она как-то накормила его печеньем, он чуть было не сдался. Но дело было уже начато, и, если бы он не довел его до конца, то потерял бы весь заработанный за прошлые годы авторитет. Ничего важнее для него тогда просто не было, а тем более... это.

А в ту ночь случилась гроза. С исключительной красоты молниями. И очень хорошо, что только гроза – с давних времён, когда город разросся до теперешних размеров, никто не помнил о камнях от старого капища, надёжно закатанных в асфальт. Герду спасло только вмешательство жившего неподалеку священника – видимо, старые боги помнили потомков своих служителей. Её ударило молнией, но она выжила – её вышвырнуло из круга. Шесть свидетелей-недорослей, море общего стыда.

Потом Лес поторопился уехать в институт, пока Герду не выписали из больницы.

Поначалу он старался убедить себя, что ни в чём не виноват. В конце концов, мало ли в какое дерево решит ударить молния, мало ли кто неудачно шутил, а пошутить над женщиной всегда было дело обычное... Но чем больше он думал, тем больше винил себя, пока не вычерпал колодец досуха, раз и навсегда посчитав это своим первым преступлением.

Всё в этом мире в те времена принадлежало ему, даже если поддавалось не сразу. Только Герда не принадлежала никому. А ведь, повернись всё по-другому, он бы, вернувшись, сам захотел положить голову к ней на колени... Но хрупкое подлежало завоеванию точно так же, как и грубое. А сказки, выходит, тут были совершенно не при чём.

Он не любил ходить этой дорогой.

– Уходи... – сказал камень – сказал свет – сказала ограда.

– Ухожу... – Лес поднялся и пошел дальше по пыльной улице. Камни мостовой под ногами казались мягкими, как обычно кажутся в жаркий полдень. На углу стоял полицейский и глазел на него, а потом пошел в сторону бара.

Злой, раздраженный и придавленный грузом вины Лес все-таки шел домой.

Зачем вспоминать стихи тому, кто не свободен?

«И не знать, как трава на ограде беззвучно качала засохшие плети.

Разбуди на рассвете...

Словно спит в тебе жажда огня...

Век не тронет меня...

Он не тронет, не тронет, не тронет»...

Осколок второй

Каждый день, приходя домой после уроков, штатный учитель господин Керин с зарплатой во столько-то, угодивший в ловушку родного города, снимал плащ, ботинки, тщательно расчесывал волосы деревянным гребешком, тянул с гвоздя домашнюю куртку (ох уж это сладкое слово – домашняя!) – ступал в комнате на старый оранжевый пыльный ковер, полностью вытряхивал из головы всякие мысли о школе – и только после этого начинался второй круговорот обязанностей – по дому, близкий ко второму кругу кровообращения... Круговорот обязанностей, как и процесс обновления крови, занимал теперь в его жизни слишком большое место, чтобы делать что-то неправильно.

Жизнь, которая была до этого, могла по праву считаться и подарком судьбы, и фантастическим скопищем передраг, из которых чудом удавалось выбираться.

Окончил школу с золотой медалью. Оставил полгорода друзей, уехал учиться в столицу, а после института некое столичное восходящее светило утатило его, посчитав за обязательный искусственный спутник, по тропе обмена опытом куда – то на юг, в жаркие страны, где в то время – разумеется, внезапно! – случилась гражданская война.

Возвращаться приходилось кружным путем, через дружественные государства, но письма приходили регулярно, а потом Лес пропал.

Пропал надолго, на десять лет, и никто не знал, что случилось, после чего пропавший объявился в другом полушарии планеты – и не просто объявился! Газеты были полны историями о нем – и его историями. Почти что небылицами о монастырях в неизведанных землях, дикарях, серебряных птицах, акулах, шпионах и самых разных неизвестных науке вещах. Единственное, что оправдывало отсутствие вестей от него, как считали слегка обиженные старые знакомые, было то, что все родные Леса умерли ещё до того, как он закончил школу. Такой вот маленький горестный штрих, добавляли они, большой случайной карьеры...

Побродив ещё немного, случайный карьерист написал очень популярную книгу о своих приключениях. Наслаждался относительно долгим успехом в другой стране. Получил какое-то формально почетное место в бывшем родном университете – и неожиданно для всех вернулся обратно. Выложил совершенно несурзные деньги за домик на окраине, бросил под кровать свой вещмешок, в котором была – это уже классически! – старая трофейная палатка и прочие необходимые вещи, и зажил без всяких приключений в свое удовольствие – если вообще можно назвать удовольствием работу в местной школе.

А теперь ему было почти сорок лет, и, как ни странно, он был этому рад. Если бы не то, что случилось вскоре после приезда – напоминал он себе – это было бы обычное возвращение героя домой.

Если бы он только был героем! У героев все происходит по-другому. Герои живут в почете или просто в покое, и к ним никогда не приходит учтивый человек, сообщая, что бежать некуда. Он тогда думал, что вернулся домой, вернулся навсегда, и очень удивился.

Вы опасны, Лес. За вами нужен присмотр, Лес. Мы подумаем, что с вами делать.

Работайте мирно в родном городке и не смейте никуда уезжать. Вот вам убедительные доказательства того, что уехать нельзя, посмотрите. Вы незаконно жили за границей и участвовали в боевых действиях. Вы написали безобидную на вид книгу, вызвавшую волнения. Ее читают те, кто мутит воду.

Герои не шутят с приставленными к ним стражниками, герои не ловят себя на ощущениях, что их тюрьма – это родной неизменный дом, не теряются в трех соснах, герои не ходят на виду у всего города на постылую работу...

«А еще вы видите то, чего не может быть, господин Керин – как и все уроженцы ваших краев. Мы не можем вас потерять. Вы нам очень дороги.

Сидите и ждите, господин Керин». И захлопнул папку, и тут стало ясно – жизнь кончилась.

Почему он тогда промолчал, ссутулился и вышел? Почему он не попытался уйти сразу же?..

Очевидно, потому, что вырос здесь.

Клён тянулся к окну веткой, осыпанной золотом. Клён видел человека, застывшего напротив окна.

Клён подслушивал.

Мысли у человека были странные.

...Туман... Крутится

колесо

тумана... Взгляд.

Ветра нет слова...

...Белые искры, серебряная грива...

Серебряная.

Как странно думать об этом на собственной старой кухне.

...Чайник издавал звук, которому позавидовал бы разъяренный слон.

Лес очнулся, выплыл из глубины сосредоточенности и позволил своей руке дотянуться до плиты. Налил себе стакан чая, рассеянно осмотрел кухню – не случилось ли чего – и пошел в комнату, разбираться.

Книжные полки были забиты до отказа. За три года оседлой жизни Лес успел взять из библиотеки, получить в подарок, купить и отобрать у кого-нибудь за ненадобностью такое количество книг, что хлипким полкам становилось страшно. Большая часть этого барахла была ему совершенно не нужна – с возрастом он постепенно сживался с полученным опытом, который как броня, становился все привычнее и легче, поэтому книги, которые он читал, тоже были всё легче и привычнее... Однако внизу, там, где стояли книги, требующие подклейки и прочей мелкой заботы, обнаружился старый томик без обложки – тот, который, если взять его ненадолго в руки, начинал светиться теплым оранжевым светом.

Зачем тому, кто не свободен, детская книга?..

Спокойно, сказал он себе. Здесь никого нет, и, пока я читаю детские книги, я свободен.

Лес аккуратно покачал томик на руках, как младенца. Книжечка досталась ему уже после возвращения – от матери давно запропавшего друга детства. Друга он уже не помнил, от него осталась книга. Тех, не встреченных с детства друзей он теперь не вспоминал. Отчаянно старался быть легче.

Он всегда старался быть легче, чем остальные. Многие из его поколения относились к жизни слишком серьёзно – из университетской молодости он помнил в основном нескупые мужские и женские слезы, разговоры с редкими столичными духами, измены, посиделки с раз-

говорами ни о чем, двадцать капель в стакане, самоубийства, дуэли и разговоры о политике прошлого и будущего... Но такие разговоры ни к чему не приводили, кроме бессильной ярости – и позже, оказавшись в другой стране и выжив, он дал себе слово быть легче.

Легким, как воздух, как огонь, что не имеет веса, но всегда способен поджечь, взорвать, обозначить путь, изменить настоящее!.. когда воевал, когда выздоравливал, когда учился быть свободным у тех, кто действительно свободен... А потом эта легкая мощь потяжелела, он стал чаще ошибаться, спотыкаться, привязываться, напрасно менял города – три страны сменил! – и знаменитый врач, обследовавший его уже после выхода «Моих путешествий», долго ворчал: "Меньше надо дергаться, господин писатель, меньше!" И говорил, что волноваться по пустякам не стоит. А замечать всякие мелочи – и того хуже. Духи и мелкий народец могут и не помочь. Надо жить для себя. И тогда сердце будет – как у двадцатилетнего.

Хорошо, послушно сказал Лес. Черт с ним, с сердцем. И уехал туда, где можно было не бояться быть исследованным и вылеченным. Домой. Туда, где можно было протянуть руку в гущу ветвей и попросить дриаду – «вылечи меня»!

Там никто не знал, что с ним было на самом деле. Но знали другое – и приставили к нему человека, и запретили уезжать, и читали его письма, и назначили жалованье. Уйти тихим путем не удалось. Сердцу это было не на пользу.

Теперь он обычно читал перед сном только то, что не даёт задуматься и бродить до рассвета по комнате. Не любил. Но в этот вечер что-то в нем надломилось, и он так и уснул за столом, положив голову на раскрытые страницы, которые не гасли, пока не настало утро и сонное заклятье не прервалось.

Если не знаешь, что с тобой, читай детские книги... Лучшее в мире утешение.

Клён старался поменьше шуметь – не случилось бы чего.

Клёны
слышат
всё.

Трава между осколками

Посиделки лучший друг умел устраивать классные.
Заботливый.

День рождения так день рождения, чей – неважно. Атмосфера была удивительно мирной. Для Леса, который вообще терпеть не мог праздники, это было вообще как бальзам на душу – толстый предусмотрел всё, даже количество не более восьми человек и ведро самых настоящих, извините, пожалуйста, плюшек, а Леса мало кто замечал. Смешно и очень стильно. И когда пробило двенадцать ночи, как-то само собой обнаружилось, что накачаться успели только двое – незнакомый толстяк и господин попечитель школы, сволочь такая. И накачивались не только многоградусным, а ещё чем-то вкусным, домашним, так что тяжелого утра никому ждать не приходилось.

Хозяина дома постоянно, но неспешно носило кругами по саду – то возникнуть посреди чужого разговора (рабочий навык, простите), то попросить кого-то поправить костер, то сбрызнуть на мангале мясо, чтоб не пригорело. Его бы в девицу на выданье переделать, – рассеянно подумал Лес, улыбаясь над своим стаканом. Цены бы такой хозяйке не было.

Было тихо и обыкновенно. Не раздражал даже постоянный перебрех собак. Костер потрескивал, пахло дымком и вкусным ужином. Кроме того, можно было прислониться к стволу старой яблони и всласть помолчать – именно помолчать. Послушать, пока на тебя никто не смотрит.

– Что-то меня снова печаль одолела! – пожаловался Скати, грея руки над костром. – Деревенская депрессия.

– Чего-чего?

– Хандрю потихоньку... Скучаю...

– Так бы и сказал– хандра! – Священник потянулся за стаканом. – Депрессия у него, нырессия... Вон к старухе сходи, сразу жить захочется.

– А что у нее такого интересного? – поинтересовался Лес, внутренне замирая.

– Травки. Примочки. Присушки-приплюйки... Её как громом ударило, сразу с пилуль на травки перешла. От неожиданности.

– Ага! – подтвердил толстый. – Со всей округи пррррзжают за рецептами. Жалко, раньше ведьмы самогон варили, а сейчас вина не допросишься. Я ппр... ппробовал. На меня псссмотрели. Большш не хччу.

– Хоть бы директора к ней сводить! Мы все знаем, кто у нас директор!

– Молчать! Ишь, разговаривают тут! Директора им!

– А она что, такая ведьма? – с нехорошим блеском в глазам поинтересовался Рольф Скадри, господин попечитель школы. – Никого не отравила ещё? Вы мне лучше сами рассказывайте, а то...

– Нет, что вы! – мягко поправил отец Керт. – Если вам надо кого-то отравить, идите к моей тёще. Меня не спасает даже сан, не то что принадлежность к сильному полу... – Священник рассеянно помешал угольки палочкой. Выбрал один и раскурлил трубку. Все женатые почему-то отмолчались, и повисла гробовая тишина.

– Хрр... – нарушил тишину толстяк.

– Вы посмотрите на него! – обвиняюще ткнул пальцем Скати. – Тут серьезные люди собрались, а он расхрапелся! Давайте его на шашлык пустим. И кислорода больше, и проблем меньше.

– Кислород нам твоя старуха наколдует – пробормотал Лес. Ему уже ясно было, что он будет делать немного позже, и от этого ему было как-то особенно грустно и хорошо.

– Не моя...

– Вв-ведьмы – они ничьи... Хррр...

– Да она вообще... просто хорошая колдунья – задумчиво сплюнул отец Керт, глядя в костер. – Рольф, если ты потянешь к ней лапы, на исповедь не приходи.

Он внимательно посмотрел на господина попечителя, и тот отвел глаза. Чудеса какие. Наверное, пьяному все дозволено, подумал Лес.

– Кого хочешь приворожит и слова доброго не скажет. Бегай за ней потом... – и отец Керт сосредоточенно уставился на огонь, туда, где плясали белые контуры гор и фантастические морские волны.

– Да что тут старое поминать, – запротестовали с разных сторон. – Давайте лучше тост!

– Прозит!

– В-выпьем з-за колдунов! – провозгласил тост лучший друг, покачиваясь над костром во всем великолепии своего подсвеченного апельсиновыми искрами пуза. – З-за всех, кого, к сожалению, нет, ещё не было и уже никогда не будет на этом свете!

Тост был встречен уважительным бульканьем и мертвым молчанием.

Звезды, перепутавшись с искрами, придавали живой картине какую-то сюрреалистическую, почти скульптурную законченность. Над головой чернели ветви. После четвертого стакана всё виделось и ощущалось очень четко, словно каждый вздох разбивал хрусталь, и этот хрустальный блеск не могло погасить ничто – ни храп толстого приятеля, навалившегося на локоть, ни отдаленная брань господина попечителя, отлучившегося по нужде, ни ... Лес вздохнул, освободился от пьяных объятий неизвестного храпуна, лёг на свой плащ, заложил руки за голову, уставился на звезды и поплыл. В толще хрусталя терялись постепенно все звуки, тьма обволакивала его теплым пушистым ковром, резкость картины снизилась до нуля, веки смежились, и время остановилось.

Днем он всё-таки нашел минуту забежать в школьный подвал. В углу на скамеечке сидела Дайна из шестого класса и читала запоем «Солнцецвет» Варрона. Он невольно обратил внимание на то, какое у нее при этом хорошее лицо. Сразу накатила привычная злость – «трудно, что ли, так же выглядеть на уроке?»

Ну, нет. Я на них ору, я могу поставить три минуса за урок – какой им смысл быть хорошими на моем уроке? Хоть бы я умел как-нибудь еще...

Бред какой. Все орут, кроме Скати и дамы Литературы.

– Здравствуйте... – Он улыбнулся библиотекарше, стараясь не выглядеть слишком глупо. – Дайте, пожалуйста, мне что-нибудь почитать. Про единорогов.

Библиотекарша покопалась в картотеке и развела руками.

– Извините, господин Керин. Единороги, говорят, у нас в округе есть. Были сотню лет назад, а с тех пор мало кто встречал. А вот книги о них – явление гораздо более редкое...

Он уже перечитал все, что собрал дома за пару лет. О стихийных культах, об истории края. О ледниках и моренах, о диковинных зверях и повадках духов.

... А ночью он видел его у кромки леса. В окно, залитое дождем, видно было плохо, но стоило сверкнуть гриве, увидеть искры, рассыпаемые рогом – сердце дало сбой, перестаралось, и Лес сполз на пол, судорожно хватаясь за переплет. Не удержался и замер на полу, хватая ртом воздух. Плохо.

Почему его нет рядом? Я же прошу его. Приди, приди, освободи меня. Я запутался.

Что такое туман? Туман – смесь ветра и воды, земли и песка, корни леса, тянущиеся к нему во мгле. Ведь туман – это всегда просто тихая заводь, заверть, алхимическая смесь воды и ветра. Ветра и света. Света и... Что ещё? Чего ещё здесь нет и кому чего не хватает?

Никогда не хотел, чтобы кто-то был рядом. Из-за этого попал туда, откуда не уйти, а теперь доигрался.

Осколок третий. Серебро

Конюшня была большая и буквально вылизанная – чуть ли не языком. Ещё бы, такая уйма народу работает, и всем платят... Даже лошади высокомерно отворачиваются, глядя на твою древнюю куртку.

Из-за угла выглянула мелкая листвушка – с ладонь высотой, хихикнула, подмигнула и спряталась. У листвушек волосы, как коричневая мешковина, раздерганная на ниточки, коричневое платице и тонкие ручки-ножки. Наверное, приехала с ветками и сеном.

Самому, что ли, наняться навоз выгребать? Проще жить будет... Нет, придут, потянут обратно.

Большой чалый жеребец повернул голову и фыркнул. Потянулся за долькой яблока, взял, аккуратно дотронувшись губами до ладони. Мотнул головой и отошел. Не нужен ему такой человек. У него есть свой. Большая шишка в местной управе. Здесь у всех есть хозяева.

– ... У тебя точно нет такого жеребёнка?

Хозяин конюшни покачал головой. Полтора часа разговора впустую – ни купить, ни продать.

– Белого? У нас такого вообще нет. Да и не сбежал бы. Сам видишь, лошади ценные, что я, дурак, просто так по ночам жеребят пасти? Хотя ближе к развалинам, в лесу, говорят, где старая конюшня, водились единороги. Иди, иди. Попробуй счастья.

И он презрительно фыркнул вслед уходящему – точь-в-точь, как некий породистый конь.

Вечером того же дня, когда Скати опять настойчиво вызвался проводить его до дома – что тут говорить, то конвой, а то приятель – он узнал в старухе, переходившей улицу, то самое видение в белом халате.

Он дернул Теда за рукав. Тот не реагировал.

Лес смотрел, как она идет, выпрямив спину и откинув назад наполовину поседевшие волосы. В одной руке – сумочка. В другой – его прошлое.

И черная-черная тень на пол-улицы, освещенной закатным солнцем.

Он сделал шаг вперед, поздоровался, она взглянула на него – и получил пощечину прямо с ходу... Да как она меня вспомнила, подумал Лес, отшатнувшись и поднимая руку к лицу – неужели они помнят... Как она... И продолжал стоять, а губы расплывались в глупой и растерянной улыбке. Даже не дернулся, чтобы ответить хоть чем-то. Да и как ей ответишь, она же старуха... Старуха...

– Шутки у вас глупые, господин Керин, – произнесла она абсолютно спокойным голосом. – Древние силы, говорят, дважды не разбудить. И реакция тоже очень плохая.

Н-да...

Он потер щеку, думая, о тех ли древних она говорила. О чем речь, какая реакция? О том, что он невыездной и живет в ловушке? Или, может, о силе сплетен? Хотя какие тут, кроме этих, сплетни...

– Будьте добры, идите себе к чертовой матери, сидите и не выкобенивайтесь, – аккуратно продолжила она. – Не нравятся мне ваши попытки пошутить со мной дважды.

Последнее она проговорила, останавливаясь на каждом слове. После чего развернулась и пошла твердым шагом. Оставалось только любоваться на волосы, развевавшиеся, как пиратский флаг.

Проходившие мимо мужчины, надо сказать, довольно-таки молодые мужчины– с одобрением посмотрели ей вслед и прищелкнули языками. – Ведьма! Вот ведьма!

Дриада с большой липы фыркнула и спряталась в кроне.

Лес не побоялся позора и заорал на всю улицу:

– Стойте!

Герда не оглянулась.

Два квартала спустя Скати остановил его, прижал к шершавой стенке и начал внимательно разглядывать.

Мрачный Лес уже решил, что его будут есть, но Скати покачал головой и сказал только:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.